

— Ну, пишите, Феликс Михайлович, — согласился Ваня. — На что только не пойдешь ради соревнования!

— Молодец, Ваня! — заулыбались вокруг завятые курильщики научной лаборатории, у которых как гора с плеч свалилась. — А то мы уже на пальцах собирались бросать, кому в какой список записаться. А ты взял на себя! Далекое пойдешь!

Через неделю на очередной читке приказов объявили итоги социалистического соревнования. Отдел, где работал Ваня, набрал баллов по курению меньше всех и стал передовым. А на очередном партийном собрании, посвященном укреплению воинской дисциплины, начальник отдела привел Ваню в пример.

Байконур—Москва, 1976, 2006

УЖИН

Жизнь не особенно баловала Ивана Ивановича. С точки зрения богатых молодых людей, расплодившихся вокруг в последнее время, жил он довольно скучно: питался с оптового рынка, проживал в государственной квартире, дачи и любовницы не имел, в ресторанах не бывал, даже телевизор в последнее время почти перестал включать — кино казалось ему каким-то цирковым аттракционом с бегающими, кричащими, искусственно любящими друг друга красивыми и бестолковыми клоунами. Но вот однажды, когда Иван Иванович случайно оказался в служебной командировке в крупном европейском городе, им заинтересовалась сильная, шедрая к друзьям, но безжалостная к врагам разведка одной восточной страны.

Произошло это почти так, как пишут в книгах, — легко и быстро. Иван Иванович выступал на небольшом семинаре по проблемам, связанным с ракетами. Его доклад очень понравился, и как-то так сложилось, что только его мысли и стали обсуждать.

Нет, конечно же, упаси господи, ничего секретного он там не рассказывал, потому что все, что Иван Иванович говорил, было многократно проверено и перепроверено в соответствующем месте; но люди, присутствовавшие на семинаре, в большинстве своем абсолютно ничего в ракетных делах не понимающие, были заморожены жизнеутверждающим тоном Ивана Ивановича, его энергией и верой в ракетную технику, которую предполагалось срочно перепрофилировать на мирный лад. Кроме того, Иван Иванович настолько умело жонглировал некоторыми ранее секретными словами, как то: эллипс поражения, эффективная поверхность рассеивания, несимметричный диметилгидразин и так далее, что два человека восточного вида, в процессе доклада непрерывно обменивавшиеся многозначительными взглядами, во время кофе-брейка (так назывался десятиминутный перерыв для посещения туалета) отвели его в сторону и стали наперебой восхищаться его прекрасным английским и сетовать на непонимание ряда технических деталей в этих загадочных для них ракетных штуках.

Ивану Ивановичу стало очень приятно, потому что накануне отлета из Москвы он выучил весь доклад, переведенный знакомым переводчиком, и возможные ответы на каверзные вопросы наизусть. Кроме того, за бутылочкой «Русской» переводчик научил его нескольким известным только в узком кругу профессионалов выражениям для общения. Поэтому он, спешно допивая обжигающий и крепчайший кофе (перерыв подходил к концу), небрежно бросил востоковедам: «I don't fish for compliments!» — что в переводе с английского, как понимал наш герой, означало «Я не гоняюсь за комплиментами, как за рыбой!», ну а по-русски напоминало реакцию дореволюционной купеческой дочки семнадцати с половиною годов, прижатой после совместного прочтения революционной прокламации в углу на вечеринке хилым и прыщавым студентом с вполне определенной целью.

После этой фразы иностранцев словно оглушило громом. Почуввав, видимо, что в сети идет крупнейший за всю историю их национальной разведки зверь, они взяли Ивана Ивановича в плотные тиски и просто вытянули из него согласие посетить на следующий день один рестораник в горах на берегу живописного озера.

Нельзя сказать, чтобы Иван Иванович сам не испугался своего решения. Испугался, да еще как! Все-таки он был кровь от крови и плоть от плоти воспитанник еще той эпохи, где и сформировалось мнение об абсолютной ценности Ивана Ивановича для его родной страны и практической невозможности его выезда за рубеж в ближайшие 25 лет. Однако он в свое время хорошо изучил один интересный тезис теории вероятностей, гласивший: «Если вероятность некоторого события равна нулю, то это не значит, что событие не может произойти!» Он и поехал-то сейчас на этот семинар только благодаря перестройке. Но одно дело — выступить с заученным докладом на семинаре, выпить дешевого пивка в небольшом баре, поменять командировочные на свободно конвертируемую валюту и побыстрее вернуться в Москву, и совсем другое — пойти с «востоковедами» в ресторан! Но, однако, слаб человек, ох как слаб!

В назначенное время Иван Иванович, надев все самое лучшее, вышел из своего двухзвездочного отеля, который располагался в центре города, на одной из тихих боковых улочек. По существу, европейского духа он еще и не прочувствовал: в первый день обустроивался в гостинице, на второй был полностью занят семинаром; этот вечер был третьим. У подъезда стояло несколько машин, и Иван Иванович стал гадать, какая машина приедет за ним. Вдруг из шикарного автомобиля совершенно незнакомой ему марки — чего-то среднего между «мерседесом» и «кадиллаком» — вышел один из его вчерашних знакомых и, непрестанно улыбаясь, жестом пригласил в машину. Иван Иванович нетвердой походкой приблизился к предусмотрительно открытой дверце, вымученно улыбнулся и утонул в кожаных сиденьях. Машина плавно тронулась...

Вечерело. Улицы заполнялись европейским людом. Тихо работал кондиционер, и было удивительно уютно. Шофер был молод, молчалив и предупредителен. Иностранец то и дело непрерывно улыбался и благодарил Ивана Ивановича за предоставленную возможность побеседовать. Вдруг как бы в порыве благодарности он протянул смущенному ракетчику небольшой пакет; развернув его, Иван Иванович увидел изумительной красоты восточную вазу. Ему объяснили, что это ваза ручной работы: на металлическую основу сотни раз наносится специальный состав, причем каждый раз после высыхания вырезается один и тот же узор. Ивану Ивановичу было очень неудобно, но ваза ему ужасно понравилась, он сразу представил, как поставит ее на полочку возле книжного шкафа. Еще более неудобно было отказаться; сложилось впечатление, что предлагалась она от души и после дежурных фраз отказа подарок все-таки переключался в его пластиковый пакет, причем в сознании Ивана Ивановича непрерывно пульсировала неприятная мысль о собственной жадности, никчемности и появившейся ни с того ни с сего некоей обязанности по отношению к новым друзьям. Машина, повернув еще несколько раз, медленно вырулила под огромные деревья — так, во всяком случае, показалось Ивану Ивановичу — и, наконец, остановилась.

Покрякивали утки, в полутьме белели засыпающие лебеди, и от воды тянуло прохладой. Удивительно гармонично неизвестным, но, безусловно, очень талантливым архитектором в береговую линию было вписано сооружение, сплошь состоявшее из мягких линий пластика, алюминия и стекла. Плавно распахнулась прозрачная дверь (которую Иван Иванович если бы шел первым, то не заметил бы), и перед ним открылся интерьер необычайной красоты. Плавная музыка создавала ощущение сказочного места в раю. Зимний сад, раскинув ветви пальм и вечнозеленых магнолий, манил своей доступностью, журчал небольшой фонтанчик, в огромном аквариуме плавали невиданных размеров золотые рыбины...

На входе их встретил маленький улыбающийся человечек, который стал долго и витиевато благодарить Ивана Ивановича за выбор именно его заведения. За ним в немом восхищении и почтении застыло еще несколько фигур, судя по всему помощники. Иван Иванович был сражен искренней радостью, проявленной при его, Ивана Ивановича, встрече. Еще больше он поразился, когда узнал, что встречал их не метрдотель, а сам хозяин ресторана. Но новый знакомый пояснил, что в ресторан позвонили из посольства его страны и отметили, что сегодня вечером на ужин придет VIP-персона, так что ничего удивительного в том, что их встречают по высшему разряду, нет.

Неудивительно, что их места оказались у самого аквариума. Улыбающийся хозяин ресторана ласково усадил гостей за широкий стол, где красовалась зажженная свеча, блики которой праздничным салютом прыгали по лицам и костюмам Ивана Ивановича и его нового знакомого. Тот протянул меню, написанное на абсолютно тарабарском языке; Иван Иванович вежливо просмотрел, абсолютно ничего не понял и с улыбкой сытого человека возвратил меню, сказав при этом вторую и последнюю выученную им коронную английскую фразу «It is up to you», то есть «на ваше усмотрение».

На столе незаметно появились минеральная вода и апельсиновый сок. Ивану Ивановичу предложили попробовать чуть-чуть вина из пузатой бутылочки, которую грациозно, немислимо изогнув руку, держала молоденькая официантка. Иван Иванович загляделся на ее маленькие плечи и кивнул головой. Медленно потекло в бокалы красное, удивительного цвета и вкуса вино. При этом было пояснено, что это далеко не простое вино, а итальянское, выдержанное, сделанное из винограда, выращенного на побережье Адриатического моря и именно в том году и месяце, когда там было рекордно большое количество солнечных дней.

За началом разговора появилось и первое блюдо — суп. Иван Ивановича предупредили, что он очень горячий и совсем не острый, только чуть-чуть. Однако это самое любимое блюдо в недоступных местах Тибета. Первая же ложка показала, что то, что ожидал Иван Иванович, — по сравнению с испытанным детский лепет! Впечатление было таким, что он взял в рот несколько стручков горького перца, смешанных с измельченным хреном. Но Иван Иванович вспомнил, что он не дома, а в Европе, и вида не подавал. С трудом выдавливая из себя «Восхитительно! Бесподобно! Я ничего более удивительного не ел!» (тут он конечно же не лукавил!), переведя гримасу ужаса в выражение чрезвычайно довольного человека, он, дрожа, положил в рот еще три неполные ложки купающихся в адском вареве кусочков рыбы и с чувством крайнего облегчения проследил за рукой официантки, осознавшей его трудности и изящно убравшей недоеденный суп на, слава богу, недостижимое расстояние.

Хозяева предусмотрительно сделали пятиминутный перерыв. И удивительное дело! Иван Иванович вдруг отметил про себя, что от жжения во рту не осталось и следа, кроме легкого приятного пощипывания. Он нейтрализовал это ощущение глотком холодной минералки и стал ждать продолжения.

Оно последовало быстро. Второе блюдо на первый взгляд смотрелось вполне по-европейски. Это были аппетитные хрустящие трубочки, внутри которых притаилась отварная капуста. С ними славно соседствовало мясо в тесте — что-то наподобие пельменей. Все это сопровождалось двумя видами соусов, светлым и темным, поданных на специальной тарелочке. Следуя правилу, опытным путем освоенному еще в годы действительной службы: «Действуй, как я!», искоса подглядывая за действиями нового знакомого, Иван Иванович поливал трубочку белым, а пельмени — красным соусом, хрустел, пережевывал, глотал и запивал вином эту невообразимо вкусную смесь. Вдруг он почувствовал себя настолько

хорошо и покойно, что ему захотелось спеть что-нибудь русское и широкое; однако все слова когда-то слышанных песен никак не шли на ум, и Иван Иванович смешался.

Однако ужин, как выяснилось, еще и не начинался. Только сейчас официант подвез к столу главное блюдо. Это была огромных размеров белотелая рыбина с чуть приоткрытым в удивлении — как ее угораздило сюда попасть? — ртом, бессильно и аппетитно возлежавшая на огромном блюде с китайским орнаментом. Перед Иваном Ивановичем поставили пиалу с несоленой смесью риса, горошка и сладкого перца (только этим, подумал Иван Иванович, можно было поужинать на 5 баллов!) — но это был лишь гарнир.

Как мастер кисти и резца, как художник у мольберта, официант начал колдовать над рыбой, одновременно орудуя находящимися в двух руках вилкой, ложкой и ножом. С рыбы была медленно снята тончайшая кожура, и длинные, нежнейшие, аппетитные кусочки были разложены по тарелкам. Уже позже выяснилось, что косточки в предложенном Ивану Ивановичу блюде отсутствовали напрочь, так что сложилось впечатление, что все это было проделано предварительно на кухне, а уж потом рыбу собрали вместе, скрепили кусочки невидимым глазу образом и, положив на тарелочку, покрыли кожей. Это мнение у Ивана Ивановича укрепилось и тем, что, разложив рыбу по тарелкам, официант снова покрыл голый скелетик кожей, так что образ рыбы как бы воссоздался вновь, но уже изрядно похудевший, после чего снова уплыл на кухню.

Ивану Ивановичу объяснили, что рыба была поймана у побережья Китая и привезена только сегодня утром. Странно, но никаких сомнений по этому поводу даже не возникло. Мягчайшие кусочки рыбы славно поедались вместе с рисом. При этом поскольку Иван Иванович сугубо по-русски налегал на гарнир и тот был съеден еще до завершения рыбного лакомства, то вежливые хозяева принесли лично ему еще одну, дополнительную

чашку, что заставило Ивана Ивановича предательски покраснеть. Однако в уютном полумраке, к счастью, этого никто как бы и не заметил.

Но еще трепетала рыба, зажатая в деревянных палочках, еще не была исчерпана до дна вторая чашка риса, а на столе появилось очередное блюдо. Иван Иванович однажды в супермаркете видел креветок. И даже пробовал их за пивом в гостях. Но то, что принесли ему на тарелке, креветками можно было назвать лишь с большой натяжкой. Это были колоссальные мастодонты креветочного типа и запаха. То, что находилось внутри красной скорлупки, вообще говоря, есть было грешно, ибо оно было огромно, как океан, и нежно, как морская пена. Видя нескрываемое удивление Ивана Ивановича размерами и качеством моллюска, его заверили, что креветок приготовлено еще очень много, и стоит только Ивану Ивановичу пошевелить бровью, как их немедленно принесут. При этом Иван Иванович отверг это предложение бессмысленным

мычанием, в котором obsлуга с трудом угадала английское «пока хватит!».

На столе появилась вторая бутылка вина, теперь уже французского бургундского, которое медленно перелилось сначала в бокал, а затем и внутрь Ивана Ивановича, создав бесподобное ощущение счастья.

Уже больше часа Иван Иванович находился между небом и землей. Неторопливо плавали золотые рыбки, выпучив на него огромные бестолковые глаза. Входили и, поужинав, выходили спокойные, просто одетые люди, тихая, неторопливая музыка плыла над Иваном Ивановичем и озером, улыбающиеся официантки неслышно сновали меж столиков и кланялись, кланялись, кланялись... Ивану Ивановичу вдруг показалось, что он когда-то все это видел... но это продолжалось всего одно мгновение, ровно столько, сколько потребовалось для осознания того, зачем его сюда пригласили...

Иван Иванович вдруг напрягся и стал ждать, когда собеседник будет расспрашивать о государственных секретах. Он приготовился дать иностранцу настоящий отпор; более того, в потайном кармане пиджака лежали значенные два года назад, еще в родных стенах, заветные 70 американских долларов, с которыми он мысленно уже распрощался, математически оценив стоимость ужина. Однако ничего особенного не происходило: иностранец неторопливо ел, пожаловавшись на гастрит, пил только минеральную, улыбался, рассказывал об обычаях своего народа; казалось, ему действительно просто было интересно с Иваном Ивановичем. Правда, они обсуждали по ходу также какие-то примитивные технические вопросы, на родине Ивана Ивановича подробно изложенные во многих вузовских учебниках; однако партнер все время охал, ахал, восхищался глубочайшими познаниями Ивана Ивановича и что-то неразборчиво условными значками записывал в маленькую записную

книжечку... Иван Иванович думал: «Неужели никто в этой стране не знает таких элементарных вещей?»

Потом подали еще утку, мясо и опять какие-то салатки и соусы... Ужин подходил к концу, и Иван Иванович с тоской подумал, что его представления о западном мире, наверное, сравнимы с мыслями его маленького сына о космосе... Подошел официант и, изящно перекинув салфетку через руку, осведомился о желаемом десерте. Честно говоря, Ивану Ивановичу больше уже есть не хотелось, но предложенное обилие возможных десертов поражало. Наконец Иван Иванович в меню среди нагромождения иностранных слов увидел знакомые буквы, обозначающие вроде бы мороженое... там еще была какая-то приписочка, но он не обратил на это никакого внимания и гордо ткнул в строчку с надписью «ice-cream»...

Буквально через полминуты принесли симпатичную тарелочку, на которой громоздился шоколадный куличик, наподобие тех, какие во множестве лепят в песочницах двухлетние дети под наблюдением внимательных мам. В руках официантки Иван Иванович боковым зрением заметил миниатюрную кокотницу, но не придал этому значения. Тарелочка была аккуратно размещена на столе, однако неожиданно из кокотницы на мороженое потекла темноватая жидкость... Запахло коньяком. Девушка шелкнула зажигалкой, поднесла ее к тарелочке... и перед Иваном Ивановичем полыхнуло голубоватое пламя. Иван Иванович был так удивлен, что почти не расслышал вежливых напутственных слов «Приятного аппетита!».

В отблесках пламени отражались и глупые рыбки, и сияющее лицо иностранца, перед которым горел такой же чудесный костер... Никто в ресторане не обращал на них никакого внимания, как будто все они ели такие десерты каждый день. Пламя утасло, и на дне тарелочки оказалась великолепная смесь расплавленного шоколада и несгоревшего коньяка, окружившая детский шоколад-

ный куличик. На глаза слегка опьяневшего Ивана Ивановича невольно навернулись слезы умиления...

Уже на обратном пути в гостиницу в машине иностранец неожиданно сказал, что его правительство рассматривает полученное этим вечером в ресторане объяснение Ивана Ивановича о том, почему космические аппараты не падают на землю, как весьма важную информацию... При этом он с готовностью полез в боковой карман. Там что-то призывно зашуршало; одновременно с этим заняло под ложечкой у Ивана Ивановича. Он явственно представил себе, как по возвращении в Москву в таможенной декларации в графе «ввозимая валюта» записывает «одна тысяча долларов» и неожиданно для самого себя неубедительно, но вполне искренне признался иностранцу, что в деньгах не нуждается, а то, что он рассказывал, можно прочитать в книгах... их перечисление заняло целую минуту. Неудавшийся «благодетель» смутился, но всего на миг; извинился, снова все записал в книжечку, так и не показав Ивану Ивановичу содержимого своего кармана.

Спал Иван Иванович плохо, хотя ему ничего не снилось. Через два дня он вернулся в Москву. Жена и дети остались очень довольны подарками, привезенными из-за рубежа. Вазу у него немедленно отняла подрастающая дочка. О ресторане он решил никому не рассказывать. Больше он иностранца не встречал. Впрочем, и за границей тоже не бывал. Правда, иногда, в метро, в утренней толкучке, неожиданно вспыхивало видение: изящно изогнутая девичья ручка, держащая бутылочку итальянского красенького с побережья Адриатического моря... Но распахивались двери подземной электрички, и толпа выносила Ивана Ивановича в утренние сумерки...

Женева, 1997